

Юла Шегельман о Свете Хаенко (по скайпу из Торонто)

Было время, когда мы были неразлучны, встречаясь ежедневно — во время работы. Нас на работе не ограничивали часами службы (Юлия тогда работала редактором в издательском отделе Рижского Политехнического института с ненормированным рабочим днем — прим. Г.С.).

Светка жила на Фрича Гайля, а училась в Академии Художеств на Горького, рядом со Старым городом. Она всегда любила красоту — и не только в виде изобразительного искусства, но красоту в самом широком понимании — людскую (кстати, и мою в то время внешность и манеру одеваться тоже). Всегда, сидя в любимых наших кафешках, мы говорили обо всем на свете — о серьезном и личном, об искусстве, и о немислимо огромном количестве прочитанных нами книг. Мы не могли наговориться. Нам никогда не хватало времени — так много нужно было всего не только рассказать — пересказать, но и прочувствовать, дать друг другу правильное «направление» в дальнейшем развитии, а также помечтать о казавшемся нам великолепном будущем.

Светка всегда была увлечена искусством, особенно изобразительным, заражая всех любовью к живописи. Высокая, тонкая и стройная, она всегда была воплощением «classic lady» — одета в какие-то незаурядные вещи — пелерины и шляпки, узкие юбки и изысканные кружевные блузы начала «Belle époque». Обожала Светка всякие сере-

бряные украшения, чем поражала меня, не умеющую и не желающую себя загружать декоративными деталями. Светка любила (как и я) простое шатание по улицам нашего красивейшего города, и мы это проделывали довольно часто, с удовольствием просто гуляя под ручку. Она была ростом повыше, а потому опиралась на меня, как на трость. Светка часто участвовала во встречах с приезжими — иностранцами и столичными людьми в качестве профессионального гида. Особенно с теми, кого интересовало изобразительное искусство. Вот тут-то она была «на коне» — все, в чем знала толк, рассказывала, не задумываясь ни на секунду, досконально и профессионально. Откуда такое в ней «сидело», да еще и с таким энтузиазмом, и такой, я бы сказала, преданностью и любовью к этому красочному миру?! Никогда не забуду, как однажды — в одном нами «избранном» кафе, проглатывая по несколько «крем-шницелей» (нам не грозило тогда весоприбавление, даже наоборот!), Светка поведала мне, что спешит на встречу с прибывшим в Ригу директором Пражского Художественного музея. Меня, в то время (да и по сей день) увлекающей сценой, поэзией, балетом, изобразительное искусство не очень волновало. Но... я всегда высоко ценила своих «гениальных» подруг, и с вниманием выслушивала их рассуждения на эту тему.

Словом, Светка начала свой порывистый рассказ о том, как она «принимает»

этого самого чешского гостя. Мне были интересны подробности этой «эпопеи». Оказалось, что она провела своего чешского искусствоведа-директора почти по всем «мастерским-студиям» наших местных рижских знаменитостей. Гость с интересом все по-смотрел, но особого восторга не проявил, собираясь завтра покинуть наш город. Но... Вот тут-то я должна «высказаться» откровенно. В то время я еще не была знакома с художником Семеном Шегельманом — так, только слышала о нем что-то из разных источников нашей «местной информации». Встретившись со Светкой на следующий день, я спросила, — «Где же твой чешский директор — уже умотал, небось?» На что она ответила, — «Ничего подобного. Мой чех лежит в своем гостиничном номере — почти «душевно-помешанный» и не хочет ничего и никого видеть!» На мой вопрос: «Что же ты с ним сотворила?» Светка сказала: «Знаешь, я отвела его вчера в студию художника Шегельмана, и Семен (очень долго пришлось его уговаривать) показал ему свои работы. И — что ты думаешь? Чех сошел с ума! Он настолько «возбужден», что и по сей день не выходит из номера и ничего не желает больше видеть». Тогда я спросила: «Светка, а как он выглядит, этот «таинственный» Шегельман? Все женщины только о нем и говорят». И Светка сказала, что он очень красивый, но только «занят» — и своим искусством (это в первую очередь), и еще какой-то особой — женщиной (или женщинами). Словом, на этом тогда все и завершилось. Я в то время

сама была из числа «невероятно занятых», и об этом знали все, я ничего не скрывала.

Знаю, что если продолжу рассказывать о моей Светке, то мои слезы, которые капают на клавиатуру, окончательно отклеят прилепленные русские «буквочки — стикеры».

И все же, где-то в глубине души я — видит Бог! была в ожидании нашей встречи с Семеном. В подтверждение важности этой встречи я получила от Светки пакет с красивым платьем, годящимся только для моей тонкой и величественно-аристократичной подруги. Но все это было уже позднее, и Светка стала как бы посредником-дипломатом между мною и Шегельманом. Она была умна, тактична, и так далека от всяких «бабских» пересказов, пересудов, сплетен-обсуждений, и прочих «женских штучек». И, наконец, наша «фатальная» встреча состоялась. Никого никогда моя Светка не обидела, не подвела, не предала и не «оговорила» — все всегда понимала, принимала, советовала, участвовала... А скольким она помогла — не счесть! И все это — при невероятной занятости, организационных и благотворительных мероприятиях...

Не могу писать: слишком больно и тяжело думать, что нет ее — моей любимой и ценимой мною подруги! Приеду в Ригу, и вместе с Игорем, ее мужем, помянем ее там, где ей сейчас так спокойно!

Я думаю, что эти мои сумбурные заметки не очень подходят для публикации, но все же...